

О ПРИМИРЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА С ПРИРОДОЙ И С САМИМ СОБОЙ

Как всем нам известно, человечество и вместе с ним планета Земля вступили в экологический кризис. Римский клуб зловеще предрекает начало вымирания человечества с 2030 года. Однако, на самом деле проблема, кажется, заключается в том, сумеет ли человечество дожить до начала своего вымирания или уничтожит себя сразу не демографически, а катастрофически. Перед лицом такой заманчивой перспективы продвинутые представители его бросились искать пути спасения от надвигающейся напасти, заговорили сначала о «нулевом росте», а потом об «устойчивом развитии». Самые же передовые стали превращать концепции «зеленых» в отправной пункт критики марксизма. Вероятно, им представляется, что они первыми в истории обратили внимание на, разрушение природной среды в результате человеческой деятельности и на опасности, которыми это грозит, вся же предшествующая общественная мысль развивалась в доисторическую эпоху, когда такой угрозы не существовало, и потому лишена актуальности. С этой точки зрения марксизму предъявляется обвинение в том, что он исходит из представления о неисчерпаемости ресурсов Земли. Так считают даже некоторые, так сказать, марксисты, которые сейчас намереваются развивать марксизм в экологическом направлении, дополняя его либо концепцией устойчивого развития, принятой на конференции 1992 года в Рио-де-Жанейро (на нее ссылается, например, Программа КПРФ), либо какими-то самодельными представлениями, как они полагают, новыми и оригинальными.

Поразительно, как меняются времена. Кажется, совсем еще недавно Энгельсу как одному из основоположников научного коммунизма ставили в вину как раз интерес к природе, который якобы уводит теорию от ее гуманистических истоков, обнаруженных Франкфуртской школой и журналом «Праксис» в ранних трудах Маркса. Хотелось бы только знать, отдавали ли себе отчет эти мыслители в истинном содержании понятия «гуманизм» и в понимании его Марксом? Конечно, ренессансный гуманистический идеал, на котором построилась «фаустовская культура» Западной Европы, чудовищно далек от того, чтобы рассматривать человека и человечество в единстве с природой. Конечно, для подлинного гуманиста, как и для античного софиста, человек настолько есть мера всех вещей, что может вытворять все, что ему заблагорассудится, и с другим человеком и с природой. Первое подтвердила практика итальянского и отчасти всего европейского Ренессанса, а на второе тогда еще не хватало сил. Сейчас они, слава богу, есть, и если мы по-прежнему будем гуманистами, то скоро нас может вообще не быть. Если гуманистически абсолютизировать потребности и интересы каждого индивида и даже каждого поколения землян, то грядущим поколениям уже ничего не останется. Известно, например, что 5% населения Земли, живущие в США, потребляют около 40% всех ресурсов планеты и дают более 50% загрязнения окружающей среды. Представьте себе, что все человечество приобрело такие же аппетиты и, главное, такие же возможности их удовлетворять...

Но какое отношение к этим гуманистическим аппетитам имеет марксизм? В тех же рукописях 1844 года Маркс писал, что реальный гуманизм есть в то же время завершённый натурализм¹. Энгельс в том же году опубликовал «Наброски к критике политической экономии», где утверждал, что его эпоха движется навстречу великому перевороту — «примирению человечества с природой и с самим собой»². Конечно, это утверждение можно понять по-разному. Можно считать его проявлением чисто романтического интереса к природе или чисто

фейербахианского стремления к преодолению отчуждения человека от его родовой сущности. Советский историк науки А.В. Аникин усмотрел здесь намек на пролетарскую революцию и решил, что эта фраза выдает «немца и ученика Гегеля»³. Все это в какой-то мере верно, но недостаточно.

Романтическое примирение с природой носило эскапистский по существу характер. Герой примирялся с природой сугубо индивидуально и именно в то время, когда не желал примиряться с обществом. Тогда он бежал от происходящих в нем безобразий «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы». Гегелево примирение с природой отнюдь не должно было носить характер великого переворота. Ему надлежало осуществляться с фатальной неуклонностью развития абсолютной идеи, ибо «природа, которая находится между духом и его сущностью, не разобщает их до степени крайностей конечной абстракции, как не отделяет от них и себя до степени чего-то самостоятельного, что соединяло бы их только как *другое*; ибо умозаключение определено в *идее*, а природа существенно определена только как переходный пункт и как отрицательный момент, идея в себе»⁴. Таким образом, природа не несет в себе никакой самостоятельной сущности, играет в движении от идеи к духу чисто вспомогательную роль; примирение человечества с природой есть всего лишь возвращение идеи к самой себе, и по достижении этого результата природой можно просто пренебречь. Фейербаха же из всей природы интересует только специфическая природа человека, благодаря которой он выступает как общественное существо, способное поэтому отчуждаться от собственной сущности. Преодоление отчуждения есть не примирение человечества с природой, а примирение человеческого рода со своей родовой сущностью. Строго говоря, никто из предшественников Энгельса не преодолел гуманистического понимания природы, человека и природы человека - восприятия природы и общества через призму интересов каждого отдельного человека как меры всех вещей, которое гуманисты Ренессанса унаследовали от

своей любимой античности и передали неогуманистам XX века.

У Энгельса "примирение человечества с природой" возникает с самого начала в принципиально новом контексте: - в контексте критики буржуазной политэкономии, которая, с его точки зрения, является описанием отчуждения человека от человеческой сущности, возникающего в процессе развития капиталистической эксплуатации. Здесь уже намечен - конечно, только намечен - исторический подход, историческое понимание человеческого общества. Отчуждение выступает как исторически возникшее и исторически преодолимое. Энгельс сразу связывает в единый узел отчуждение человечества от природы и отчуждение людей друг от друга, обусловленное «диким эгоизмом частных интересов»⁵, порожденным частной собственностью. «Великий переворот» должен означать развязывание этого узла, преодоление обеих сторон отчуждения.

«Наброски...» кладут начало изменению точки зрения на взаимоотношения человечества и природы, которая перестает восприниматься просто как географическая основа всемирной истории. Взаимоотношения с природой начинают рассматриваться как часть сердцевины собственно общественных отношений. Следующий шаг в этом направлении сделан в «Немецкой идеологии», где отношения природы и человечества рассматриваются не только как условие возникновения человечества и начала его истории, но и как постоянная основа его существования и исторического развития. Если «первый конкретный факт, который подлежит констатированию, - телесная организация индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»⁶, - это означает не только первоначало, но и первооснову человеческой истории. В «Набросках...» враждебность человечества к природе и к самому себе только отмечена. В «Немецкой идеологии» это наблюдение поднято на уровень теоретического обобщения: «Ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное

отношение друг к другу - их ограниченное отношение к природе»⁷.

Мысль о примирении человечества с природой и самим собой оказалась исходным пунктом движения к идее, которая является основной для философии марксизма, - идее диалектического единства общества и природы, определяющего и пронизывающего все отношения в обществе на всем протяжении его истории. Эта же идея определяет характер перестройки диалектического метода, осуществленной Марксом и Энгельсом. Современный исследователь отмечает: «Весьма характерно, что в логике «Капитала» Маркса именно момент различия в противоречии, а не момент тождества, есть определяющая сторона противоречия, причем момент различия существует потому, что изучаемая (общественная) система возникает и существует на базе внешней по отношению к ней системы (отношения человека к природе), и именно последняя из названных систем, преломляясь через первую, образует момент различия в изучаемой системе»⁸.

Взаимосвязь человечества и природы как методологическая основа философской системы занимала Энгельса постоянно, и он возвращался к ней снова и снова до конца своих дней. Мало кому из философов природа до него представала столь непосредственно, втягивая мысль в свою вечность и бесконечность. Паскалю, например, они казались пустыми, черными и устрашающими, он чувствовал себя хрупким тростником на краю этой бездны. Для Спинозы в этой черноте вспыхивают искры, освещающие ее светом разума, и он уже не боится ни бесконечности, ни вечности. Для Энгельса же и вечность, и бесконечность - только определения всеобъемлющей Природы, вечно перетекающей из одного состояния в другое, пронизанной бесконечными взаимосвязями и излучающей целый спектр света, в том числе - свет разума.

Различное восприятие философами природы, безусловно, связано с развитием естественнонаучного знания в XVII-XIX веках. Но сводить, как это нередко делается, философские взгляды к их естественнонаучным

предпосылкам было бы непозволительным упрощением. У философии свои пути, и данные частных наук служат ей лишь материалом. Энгельс не случайно неоднократно отмечал, что философия делает свои выводы лет на 200 раньше специальных наук. Ньютон был современником Спинозы, даже младшим современником. Но Спиноза уже ощущал не только единство, но и бесконечное качественное многообразие природы, выраженное им в понятии бесконечного множества модусов и даже атрибутов субстанции. Для Ньютона же бесконечность была огромным пустым ящиком без стенок, а вечность - потоком всегда равной себе длительности. Во времена Энгельса развитие целого семейства естественных наук поневоле требовало хоть какого-то представления о многокачественном разнообразии мира, но эти качества оказались строго распределены по специально-научным дисциплинам. Представление же о единстве природы свелось к закону сохранения вещества, именовавшегося материей, в лучшем случае - к закону сохранения энергии (количества движения), то есть к утверждению чисто количественных отношений. Очень немногие естествоиспытатели XIX века - такие, как Ч. Дарвин, В. О. Ковалевский, Д. И. Менделеев, - стремились достичь качественного, содержательного единства хотя бы своей науки.

Поэтому мысль Энгельса движется не только и не столько от достижений естественных наук XIX века, сколько от спинозовской *causa sui*. Он и сам говорит об этом: «Спинозовское «субстанция есть *causa sui*» — прекрасное выражение взаимодействия». Взаимодействие же он принимает за основу философской системы и философского метода: «Взаимодействие - вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания (как это надо понимать, мы уже знаем.— Е. Х.). Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, теплоту, свет, электричество, магнетизм, химическое соединение и разложение, переход агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все переходят друг в друга,

обуславливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием... Так естествознание подтверждает (sic! - E. X.), то, что говорит Гегель, - что взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади него нечего больше познавать...»⁹.

У Гегеля действительно встречаются догадки о роли взаимодействия, но разворачивает их в фундаментальные философские идеи взаимной обусловленности всех форм движения, относительности причины и действия только Энгельс. Для него относителен и сам принцип причинно-следственной связи, который тогдашняя наука принимала за абсолют. По Энгельсу, причинность не более чем одностороннее отражение объективной взаимосвязи, возникающее на определенной, достаточно ограниченной стадии познания каких-то аспектов универсального взаимодействия: «Только исходя из этого универсального взаимодействия мы приходим к действительному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами - одно как причина, другое как действие»¹⁰.

Трактовка причинно-следственных связей как одностороннего понимания взаимодействия избавляет от необходимости отыскивать первопричину, первотолчок и т. д., но порождает новое философское затруднение. Универсальная взаимосвязь, не заполненная конкретным содержанием, превращается в Аристотелев перводвижитель, движущий все и неподвижный. Взаимосвязь, оторванная от качественного разнообразия реального мира, не может породить никакого движения, кроме разворачивания заранее вложенной в нее программы. Так обстоит дело с Абсолютной идеей Гегеля. Причем Энгельс соглашается с ним относительно взаимодействия как *causa sui*, а также относительно бессодержательности бесконечного разворачивания пустого

начала:

«Бесконечный прогресс есть, по Гегелю, унылая пустота, потому что он выступает как вечное повторение одного и того же: 1:1:1 и т. д.» Но Гегель, отвергая бесконечный прогресс, вместе с тем странным образом признает его: «В гегелевской системе для истории природы во времени было исключено всякое развитие, ибо в противном случае природа не была бы вне-себя-бытием духа. Но в человеческой истории Гегель признает бесконечный прогресс единственной истинной формой существования «духа», хотя фантастическим образом он принимает конец этого развития - в установлении гегелевской философии»¹¹. Причина этой странности именно в том, что Гегель отказывает природе в праве на развитие, почему общественное развитие и превращается в бесконечно-конечный прогресс.

Энгельс, однако, не останавливается на признании историчности природы, ее развития по ее собственным законам. Он не приемлет и представления об их вечности и неизменности - представления, во власти которого находилась практически вся предшествующая и последующая философия и наука. «Вечные законы природы также превращаются все более и более в исторические законы. Что вода при температуре от 0 до 100°C жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он имел силу, должны быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление...»¹².

Мысль внешне проста до тривиальности, но подобной история философии не знала - исключая, может быть, гениальную догадку Демокрита. Все системы, построенные на идее движения, изменения, развития, признавали наряду с ним вечные, неизменные законы, по которым оно совершается - Логос, Абсолютную Идею, в лучшем случае законы природы. Энгельс же понял, что законы не существуют извечно где-то в четвертом измерении, а формируются вместе с природными объектами, законами которых являются. «На Луне совсем нет атмосферы, Солнце обладает атмосферой из раскаленных паров металлов,

поэтому на Луне нет совсем метеорологии, на Солнце она совершенно иная, чем у нас. Химия Солнца еще только нарождается, и она по необходимости совершенно иная, чем химия Земли; она не отменяет последней, но находится вне ее»¹³. И дело здесь не в том, что «метеорология» и «химия» Солнца оказались физикой плазмы. Энгельс против нее отнюдь не стал бы возражать. Дело именно в системе законов, которые не существуют до и вне природной системы, развитие которой они регулируют. Историчен, по Энгельсу, даже закон сохранения энергии, хотя, будучи самым фундаментальным из законов, он историчен иначе, чем остальные: “Если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых одинаково ко всем телам, начиная с туманности и кончая человеком, то у нас остаются только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии... Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям природы, в историческое изображение изменений, происходящих одно за другим в какой-нибудь мировой системе от ее возникновения до гибели, то есть превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, то есть другие формы проявления одного и того же универсального движения - и, таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь движение”¹⁴. Как он был бы рад, узнав, что с теорией гравитации дело обстоит точно так же!

Раз понятая, мысль Энгельса действительно очень проста: до формирования некоторого природного объекта законов развития этого объекта не существует. Следовательно, вопреки “лапласовскому детерминизму”, даже если знать характеристики всех наличных атомов, предсказать все их дальнейшее движение невозможно, потому что с некоторого момента они будут двигаться по новым законам, которые невозможно напрямую вывести из старых. Энгельс не зря критиковал концепции абсолютного детерминизма и соглашался с Гегелем в том, «что случайное имеет некоторое основание, ибо оно случайно, но точно так же не имеет основания, ибо оно случайно; что случайное необходимо, что

необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость»¹⁵. Случайность так же объективна и относительна, как необходимость, и закономерность возникает как их противоречивое единство.

Применительно к естественным наукам это положение должно стать одним из основных методологических принципов. Энгельс отмечает это относительно теории эволюции: «Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из самой широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до выхода за пределы видового признака и у которых даже ближайшие их причины могут быть установлены лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его подвергнуть сомнению прежнюю основу всякой закономерности в биологии - понятие вида в его прежней метафизической окостенелости»¹⁶. Философское резюме: «Случайность опрокидывает существовавшее до сих пор понимание необходимости»¹⁷.

Ни Энгельс, ни Дарвин не знали еще основы этой творящей предпосылки новых видов случайности - генных мутаций и их причин. Но это не отменяет того факта, что для живых организмов генные мутации действительно являются случайными, подчиненными необходимости иного порядка. Открытия Менделя и его последователей вполне необходимо вписываются в концепцию Энгельса. Точно так же не знал Энгельс и внутренней структуры атома, применительно к которой Хайзенберг уже в XX веке выдвинул свой принцип неопределенности, который «сам» Эйнштейн назвал «литературой». Но этот принцип опять же необходимо вписывается в концепцию формирования законов природы по мере формирования природных объектов. Уточнение: объектов макромира. В микромире же, видимо, царствует взаимодействие в чистом виде, не могущее быть описанным на языке законов причинно-следственных связей, то есть случайность.

Благодаря принципу неопределенности, благодаря открытию двойственной природы электрона и «непредсказуемости его поведения» философские принципы взаимодействия как *causa sui*, относительности всякой определенности и формирования закономерности на базе случайности наконец-то могут быть изложены на языке естественной науки. Для диалектики же никогда не могло быть немислимым, что, например, электрон представляет собой одновременно волну и частицу, то есть две с метафизической точки зрения противоположные формы организации материи. Она только задает вопрос: в каком отношении волна и в каком частица? Точно так же для нее вполне нормально, что движение электрона не подчиняется причинно-следственным связям, потому что сами эти связи для нее не абсолютны. В том, что макротела, состоящие в конце концов из микрочастиц, причинно-следственным законам все-таки подчиняются, для диалектики тоже нет ничего удивительного, ибо она давно знает о переходе количества в качество.

В этом свете обретает полный смысл (возможно, не до конца ясный самому автору) выдвинутая Энгельсом идея уровней движения материи. Она воспринималась как опять-таки тривиальная констатация количественного усложнения структуры вещества при переходе от механических связей к химическим и биологическим. На деле в ней заключена мысль об обретении нового качества и новых законов движения, по отношению к которым законы предыдущего уровня служат материалом, а необходимые на предыдущем уровне процессы выступают как случайные.

На уровне микромира причинно-следственные связи еще не оформились, точнее, взаимодействие частиц таково, что мы еще не можем выделить из него причинно-следственные связи, и движение частиц может быть описано только “статистически”. Но на основе связей микромира формируются структурно более сложные связи, которые снимают неопределенность, но в то же время сохраняют ее в снятом виде как противоположность необходимости и

случайности. Это происходит при переходе к каждому более высокому уровню организации. Химически определенное вещество - материал для формирования живых организмов и законы химии - материал для формирования законов биологии. Но для разворачивания “всех своих определений” каждый уровень движения требует определенной, соответствующей ему системы организации материи. Химическая форма движения обретает действительность только как “химия планеты”, в случае Земли — в геологической системе. Дискуссия о том, существует ли геологическая форма движения материи,— дискуссия не терминологическая, а методологическая.

Жизнь, сформировавшаяся как «способ существования белковых тел»¹⁸ (точнее, как нам теперь известно, белково-нуклеиновых), разворачивает свои определения также в системе - в системе биогеоценозов, составляющих биосферу Земли. Сам биогеоценоз также представляет собой систему, в которой только и может осуществляться естественный отбор, без которого нет ни биологического развития, ни его законов. А естественный отбор, как известно, на одном из направлений привел к появлению обезьяноподобных предков человека, с развитием которых начинают формироваться новые законы - законы разумной жизни, человеческой истории. Именно Энгельс первым обратил внимание на то, что разумная жизнь есть в основе своей труд, то есть производительное отношение человека к природе¹⁹. Так что упреки в стремлении к созданию тотальной системы Энгельсом вполне заслуженны. Но как, интересно, современные неогуманисты намерены обходиться без нее?

Переход на новый уровень движения предполагает снятие предыдущих уровней в их действительности. Но снятие, вспомним еще раз, есть не зряшное отрицание, то есть разрушение, а видоизменение формы при сохранении содержания. С этой точки зрения человечество до сих пор осуществляло именно зряшное отрицание биосферы, то самое, которое и должно быть преодолено через примирение человечества с природой и с самим собой. Это - второе

направление интереса Энгельса к природе, которое в наше время можно назвать экологическим и которое начинается с «Набросков к критике политической экономии».

В набросках к «Диалектике природы» Энгельс возвращается к этой мысли на новом уровне. Например, «господство» человека над природой выступает для него предпосылкой глубоких антагонистических противоречий в человеческом обществе: «В самых передовых промышленных странах мы укротили силы природы и поставили их на службу человеку; благодаря этому мы безмерно увеличили производство... Но каковы же следствия этого роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет - огромный крах»²⁰.

«Победа» людей над природой оказывается пирровой, и Энгельс советует не очень-то ею обольщаться: «За каждую такую победу она нам мстит. Людям, которые в Месопотамии, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их вместе с лесами центров скопления и сохранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса..., они не предвидели, что этим подрывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники с тем, чтобы в период дождей эти источники могли изливаться на равнину тем более бешеные потоки»²¹.

Таким образом, природа мстит людям за «господство» над ней двояко: порождением катастроф внутри самого общества и локальными экологическими катастрофами, которые лишь до поры до времени не угрожают человечеству в целом. Отметим, что два эти вида катастроф взаимосвязаны и довольно четко коррелируют, начиная с первых зачатков классового общества и до последнего времени. «Мы упомянули о картофеле и о сопровождающей его

распространение золотухе. Но что может значить золотуха в сравнении с теми последствиями, которые имело для жизненного положения народных масс целых стран сведение питания рабочего населения к одному только картофелю? Что значит золотуха в сравнении с тем голодом, который в 1847 г. постиг в результате болезни картофеля Ирландию и который свел в могилу миллион питающихся исключительно или почти исключительно картофелем ирландцев, а два миллиона заставил эмигрировать за океан!»²².

Связь здесь прямая и обратная: если “господство” над природой порождает в человеческом обществе непримиримые противоречия, то антагонистическая структура общества порождает хищнические способы природопользования. «Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавших в золе от пожаров удобрение, которого хватало на одно поколение очень доходных кофейных деревьев, - какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы?»²³.

Учитывая все это, трудно согласиться с теми нашими современниками, которые полагают, что Маркс и Энгельс считали природные ресурсы земли неисчерпаемыми и в своих представлениях о коммунизме были чуть ли не предшественниками общества потребления. Энгельс, как видим, достаточно отчетливо указывал именно на исчерпаемость, природных ресурсов, до поры до времени локально ограниченную, и на беды, тоже до поры до времени локально ограниченные, которыми это грозит. Отмечал он и причины поведения человечества, чреватого бедами и для него, и для природы.

Первая - неспособность предвидеть отдаленные последствия своих действий. Действительно, жители Месопотамии, сведшие в древности леса, не могли предвидеть, что со временем это приведет к запустению целой страны. Однако эта неспособность постепенно преодолевается, “и мы в самом деле с каждым днем научаемся все более правильно понимать ее (природы) законы и

познавать как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. Особенно со времени огромных успехов естествознания в нашем столетии мы становимся все более и более способными к тому, чтобы уметь учитывать также и более отдаленные естественные последствия, по крайней мере наиболее обычных из наших действий в области производства и тем самым господствовать над ними”²⁴.

Но остается вторая причина - корыстная заинтересованность в непосредственных результатах своих действий, заставляющая сознательно пренебрегать всеми остальными. Кубинские плантаторы XVIII века в отличие от древних жителей Месопотамии вполне могли предвидеть, к чему поведет выжигание лесов, хотя бы потому, что ранее это уже произошло на островах Зеленого Мыса, на Мадейре и в других местах. Они не просто предполагали, но знали и сознательно игнорировали это знание. Очевидно, нынешние чилийские латифундисты, добивающиеся от государства разрешения на вырубку лесов, российские губернаторы, поощряющие экспорт необработанной древесины из сибирской тайги, не говоря уже о менеджерах транснациональных корпораций, уничтожающих леса Амазонии, тем более знают отдаленные последствия своих действий, но это их никак не останавливает.

Примирение общества с самим собой чем дальше, тем отчетливее выступает условием примирения общества с природой. Глобальный экологический кризис нашего времени, в свою очередь, на каждом шагу напоминает нам “о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы,— что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри нее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы в отличие от всех других существ умеем познавать ее законы и правильно их применять”²⁵.

Не пора ли и нам правильно применить познанные законы природы и

общества, в том числе законы, открытые Марксом и Энгельсом? Тем более что ситуация, в которой находится человечество, в самом деле глобально альтернативна. Либо оно в ближайшие десятилетия вступит на путь, ведущий к примирению с природой и с самим собой, либо кончит самоуничтожением, а заодно, возможно, и уничтожением биосферы. Люди стали достаточно могущественны для того, чтобы своими руками устроить космическую катастрофу, которую Энгельс связывал с естественным ходом развития Солнечной системы и относил лишь к отдаленному будущему. Но в альтернативной ситуации многое зависит от случайности, так как законы нового этапа развития еще только формируются. И сознательное поведение определенной части людей может впервые в истории сыграть решающую роль в глобальном масштабе.

Видимо, есть смысл вести себя так, чтобы все-таки не устраивать космическую катастрофу, а достичь примирения общества с природой и с самим собой. Энгельс ждет нас в будущем, но только в том случае, если мы его себе создадим.

¹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, С. 551.

³ Аникин А. В. Адам Смит

⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.Ш. Философия духа.. § 575. М. "Мысль". 1977. С.407.

⁵ Ф. Энгельс. наброски к критике политической экономии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.1.

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Гл. 1. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.3. С. 19.

⁷ Там же. С.29.

⁸ Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К. Маркса. М. 1968. С.78.

⁹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546.

¹⁰ Там же. С. 546-547.

¹¹ Там же. С. 525.

¹² Там же. С. 553.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 553-554.

¹⁵ Там же. С. 535

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 536

¹⁸ Ф. Энгельс Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С.82.

¹⁹ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.

²⁰ Ф. Энгельс. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 358-359.

²¹ Там же. С. 495-496.

²² Там же. С. 497.

²³ Там же. С. 498-499.

²⁴ Там же. С. 496.

²⁵ Там же. С.